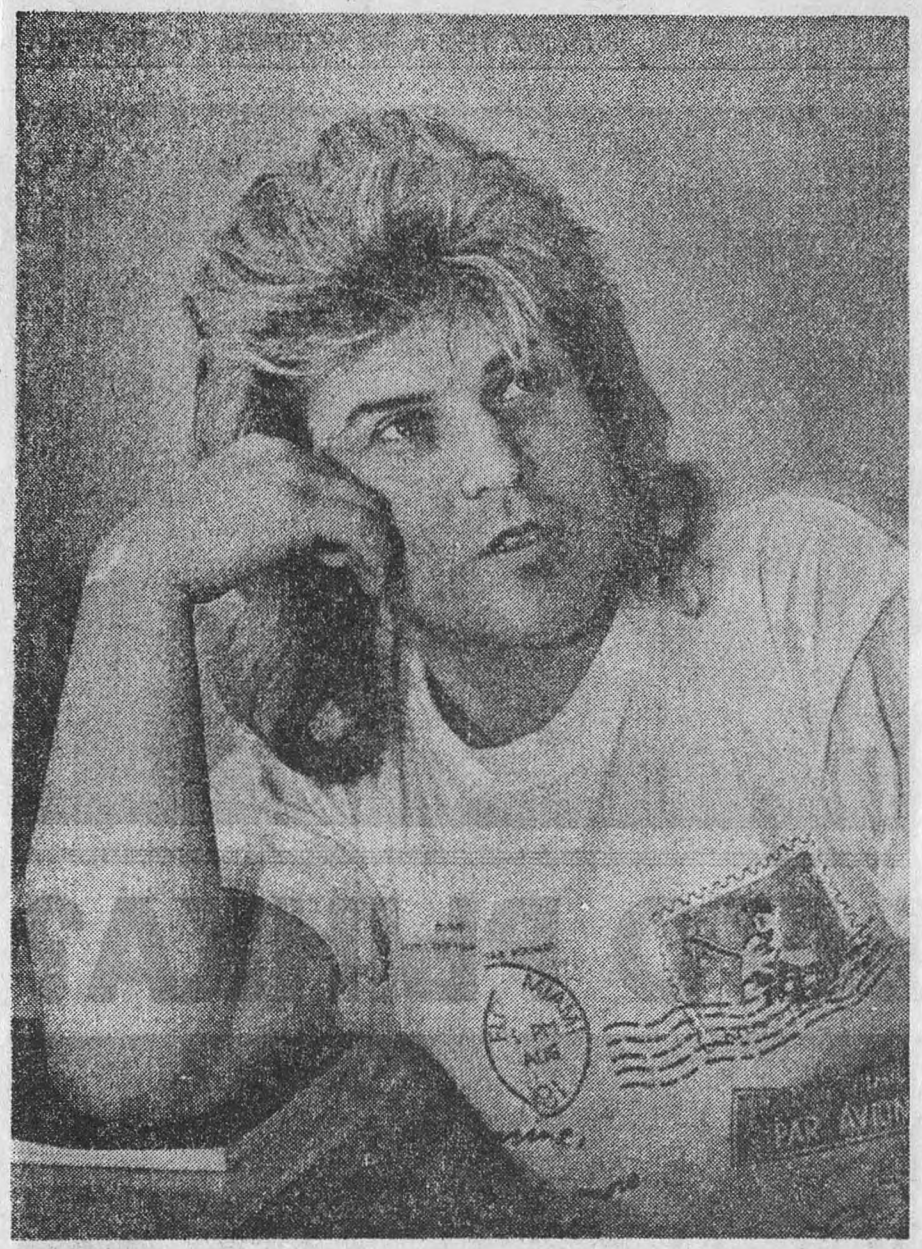
Смена. - Санкт-Петербург. - 1993. - 3 марта. - с. 5

Алексей ГЛЫЗИН: "МЕНЯ МНОГИЕ СЧИТАЮТ ЧОКНУТЫМ, ПОТОМУ ЧТО ПОЮ И ИГРАЮ ЖИВЬЕМ..."



ДОЛГИЕ ГОДЫ ОН ЖИЛ под прикрытием имени «Веселых ребят», то есть должен был исполнять волю художественного руководителя Павла Слободкина, не выходить за рамки «белого» клоуна («рыжим» был Саша Буйнов), не ломать голову насчет ТВ-раскрутки, гастролей, репертуара.

Когда ушел на вольные хлеба, то многие крутили пальцем у виска. А умудренный жизненным опытом Слободкин недоумевал:

— Мне кажется, Глызин был движим моментом не творческого, а коммерческого начала, потому что жилось ему в коллективе творчески довольно вольготно.

Однако Лешу Глызина после «Веселых» стало не узнать. «Эпизод», «Зимний сад», «Ты не ангел», «Все позади» — это были не просто классные лирические песни. Глызин вместе с композитором и аранжировщиком Виктором Чайкой выдавали экспрессивные рок-н-ролльные баллады, чем-то схожие по темпераменту с группой «Европа» песни с очень красивыми мелодиями. Алексей вмиг перестал быть «белым» клоуном, но и не стал монументальным лирическим героем, возможно, во многом благодаря своей простой русской внешности.

Глызин сделал сольную карьеру легко и быстро. А вот «Веселые», забуксовав после его и буйновского ухода, так больше и не поднялись.

Пример Глызина был настолько заразителен, что многие посрывались с насиженных мест, подавшись в солисты. Тот же Виктор Салтыков держал в уме именно глызинский вариант, но и близко не повторил его...

Между тем и сам Алексей притормозил. Количество телеэфиров все сокращалось, клипы и вовсе перевелись. Первая пластинка разлетелась по стране, вторая так и не вышла. Ситуация усложнилась после того, как из глызинской группы «Ура» ушел в солисты Виктор Чайка, оставив Алексея без постоянного соавтора.

В такой ситуации поклонники артиста обычно быстро отворачиваются от вчерашнего кумира. Вот и в адрес годового парада «Смены» «Звезды-92» пришло немало писем, после чего Глызин попал в раздел «огорчения» года.

Недавние сольные концерты «не ангела» в «Октябрьском» должны были расставить точки над «и».

В ЗАЛЕ БЫЛ АНШЛАГ, хотя никакой особой рекламы концертов не было, а билеты стоили 300 рублей. Стало быть, публика продолжала любить своего Лешеньку, несмотря ни на что. Однако в первый вечер цветы вручать было некому. Концерт отменили, заявив зрителям, что Глызин с температурой 40° задержался в Самаре. Знатоки на это лишь ухмылялись, вспоминая, как Алексей не приехал в СКК на «Топ-секрет», хотя весь Ленинград был тогда заклеен его афишами, как в 1990-м сорвался концерт в «Октябрьском» зале, хотя Глызин находился в это время в двух шагах — в гостинице «Октябрьская».

На другой день он все же прибыл. На все упреки лишь улыбался, а директор Феликс Ионыч загадочно объяснял, что есть такие заколдованные города, где все не слава Богу...

— Алексей, новых песен в концерте не так много. Одна из них, «Моя любовь», принадлежит перу Игоря Тальнова. Вы были дружны или это дань памяти?

— Мы дружили настолько, насколько могут быть близки артисты. Буквально недели за две до гибели у нас был долгий разговор, и Игорь предложил мне спеть несколько его лирических мелодий.

— Он пел сольный концерт своих песен и еще имел запасы для других?

— Игорь говорил, что у него наступает этап лирических песен, и действительно, они были одна лучше другой. Когда мы только-только поднимались (я ушел из «Веселых», он — из «Электроклуба»), часто работали вместе в концертах — одно отделение он, другое — я. Можно вспомнить множество всяческих встреч, курьезов, прикольных историй того периода.

— Были, наверное, у двух таких видных мужчин и невероятные похождения...

— Но мы не только флиртовали. В Куйбышеве Игорю даже ногу сломали в какой-то разборке. Он вообще был конфликтный.

— Задиристый?

— Скорей, принципиальный. Настаивал на своей точке зрения.

— Там где кто-то промолчит, не молчал?

— Но все равно судьба обошлась с ним слишком жестоко.

— Алексей, вопрос, может быть, из разряда бредовых. Мы сидим сейчас с вами как раз в той гримерке, где не так уж давно Тальков сидел, а вы раскачиваетесь на том же стуле. Все под Господом Богом ходим. Представьте, что бы о Глызине говорили, случись с вами какая-то трагедия?

— Ничего себе вопросик. Нет, я никогда не думал о том, что останется, что будет после меня.

— Я клоню еще к тому, что песни Глызина, с очень красивыми мелодиями, гармониями, на мой взгляд, по-настоящему не оценены на нашей эстраде. В шоу-бизнесе правят сегодня бал, блистают на презентациях все-таки другие лица...

— Господи, не мне судить о своих песнях, хотя, конечно, приятно слышать добрые слова. Я знаю одно: есть куда более проворные артисты. Умеют достать у спонсоров денег, снять один-другой-третий клипчик.

— По части промоушна Глызин явно не в горячей десятке?

— Да уж. Причем, есть и положительные примеры раскрутки. Олег Газманов! Он же мастер, умеет писать музыку для народа, умеет раскручивать ее. У меня же не слишком хорошо получается ни первое, ни второе. А зритель любит потреблять то, что легко пережевывается. Чистая лирика, с красивыми мелодиями и не самыми навязчивыми стихами не в почете.

Я конъюнктурой досыта наелся в «Веселых». Когда появлялись «Бони М.», мы делали музыку под их стиль, возникал «Супермакс», менялись и мы. Будь сейчас «Ребята» в фаворе, занимались бы хип-хопом, носили бы короткие штаны в обтяжку. Я же за счет модных стилей, смены имиджа, причесок подниматься не стану. К счастью, могу себе позволить заниматься тем, что мне самому нравится. Тот, кому кажется это простой задачей, пусть сам попробует.

— Выходит, промоушн вам особенно не нужен?

— Нет, меня нынешнее положение дел не устраивает. У меня ведь нет никаких спонсоров, я не веду наступление на ТВ, хотя множество людей, которые там трудятся, предлагают: «Чего ты не снимаешься у меня?»

— Бесплатно?

— Знаете, еще есть категория артистов, которые не платят денег.

— Вы среди них?

— Конечно.

— У меня все-таки ощущение, что вы притормозили в последнее время?

— В общем-то, да. Хотя работа идет. На своей студии я постоянно работаю, все время что-то переделываю. Раньше мне отводились считанные часы, никакого времени на раздумья, за все плати. Как выходило — так и выходило.

— У вас теперь домашняя студия?

— Скорей, дачная. Она находится на даче, но это серьезная студия.

— В который раз мне приходится поражаться: как только наш артист приобретает частную студию, песен у него становится все меньше. Масса примеров: Серов, Антонов, Тухманов...

— Копаемся в каких-то тонкостях, никуда не спешим. Сегодня запишу, завтра сотру, если не понравится. Мы второй альбом сами зарубили. Все время хочется чего-то лучшего. Наверное, этот этап нужно тоже пройти.

— Насколько ваш концерт на сцене «Октябрьского» соответствует вашему представлению об идеальном концерте?

— Честно говоря, я не хотел ехать в Питер. Уговорили. Для меня этот концерт был хорош года два назад. Но халтурить мы не умеем. Я всегда придирчиво отношусь к свету, к звуку, к аппаратуре. Работаю только живьем, а не под фанеру, как большинство нынешних гастролеров. Меня многие считают чокнутым. Приезжаем в какой-нибудь город, я закатываю скандал по поводу аппаратуры, отказываюсь выходить на сцену. А мне заявляют: «Да на этой же аппаратуре вчера трудился наипопулярнейший артист Х., а позавчера суперстар И.». Ну и что?! У них своя свадьба, у нас — своя.

— Мне ваш концерт понравился. Хотя и не сразу. Поначалу я все ждал какого-то шоу. А Глызин все в одной белой рубашке, с гитарой у микрофона, музыканты «Ура» тоже статичны. Многим такой концерт покажется скучным. Но, с другой стороны, на Западе далеко не у всех звезд джексоновское шоу. Многие гиганты рок-н-ролла предпочитают как раз статичный вариант, который не мешает наслаждаться красотой музыки.

— У «Битлз» тоже плясок не было. Мне хочется чего-то серьезного, не хочется размениваться. Разве трудно взять какой-нибудь балет, стройных девочек. Да и мы в «Веселых» поднаучились танцам и хохмам. Но не то у меня настроение. Кому этого хочется — пусть идет на «Кар-мэн», классно ребята танцуют. А если я начну «давать шоу», скажут: «Он с ума сошел!»

— Автор самых красивых ваших песен Виктор Чайка ушел от вас. Теперь его новые мелодии всплывают у Аллегровой, Овсиенко, московский канал «2 х 2» день и ночь крутит его самого. Но так жалко, что ваш тандем распался.

— Да, он прекрасно знал мои вокальные возможности, мое настроение, для меня сочинял и всегда точно угадывал. Мы потом многое доводили до кондиции и с Виктором, и с поэтом Симоном Оснашвили.

Но Витя решил начать сольную карьеру. Ради Бога! Меня народ знает, а он был всю жизнь барабанщиком. Солистом быть интересней, да и выгодней. Его всегда задевало, что вокруг меня девочки, а он все это пишет-пишет, оставаясь незаметным. Казалось так просто: вышел и спел шлягер. А на поверку получается, что полтора года раскрутки не дали ощутимых результатов.

Просто мы чуть-чуть устали друг от друга. Но я бы хотел продолжения наших отношений, если, конечно, песни будут на том же уровне. Ведь то, что написано для Овсиенко, шедевром назвать трудно.

— Хотя песня «Транзитный пассажир» для Аллегровой не худший вариант.

— Я хотел бы вернуть наши золотые времена.

— Алексей, чем занимается ваш старший сын Алексей? Сколько сейчас ему?

— Вопрос возраста сына — это вопрос и моего возраста. Я не хотел бы, чтобы в газетах появлялась точная информация.

— Господи, взрослый сын — это же прекрасно! Вон и у Ирины Аллегровой — взрослая дочь... Так чем же занят сын Глызина?

— Работает у Листьева в программе «Тема». Взяли его полгода назад, он уже сменил три должности, уходя на повышение. Влад, с которым мы как-то ездили в Сочи и там подружились, доволен Глызиным-младшим. Он успел и музыкой позаниматься, и восточными единоборствами, а теперь увлекся тележурналистикой. Мальчик спортивный, не курит, не пьет, внимательный к окружающим, не кичится тем, что у него известный родитель. В кого такой?!

— А чем ваш младший, Игорь, занимается?

— В свои два с половиной месяца живет активной жизнью: улыбается, кричит, писает, папу узнает не всегда.

— Ваша свадьба в июле прошлого года прошла незаметно. Вот Игорь Саруханов отгрохал свадьбу — с ТВ-венчанием, с банкетом, уймой знаменитых гостей. Кто ваша жена?

— Соня Бабий, красивая девушка, гимнастка, чемпионка мира 1989 года. Кстати, познакомились мы в Питере, на какой-то программе в СКК, где были гимнасты, спортсмены, американская команда по аэробике.

— Алексей, много шума наделала статья в московской газете «Джокер» о том, как «Глызин всех убрал», подъехав на элитную тусовку ко Дворцу молодежи на «Вольво» 740-й модели.

— Во-первых, там была ошибочка. У меня 760-я модель.

— В худшую сторону ошиблась газета?

— Тогда у меня был парк поменьше. Сейчас же — «Ягуар», «Форд», «Вольво», «Опель» и какая-то наша. Я просто люблю машины. Это страсть коллекционера. Сначала у меня появилась белая «девятка», потом я ее продал, потом еще менял, разбивал. Была даже черная «Волга». И номера все больше такие: четыре четверки, четыре пятерки, четыре тройки. Вроде как блатные. Приезжаешь, в милиции знакомые предлагают: «Леша, хочешь такие номерочки!» Я все равно «засвеченный» человек, а бандиты берут обычно номера типа «38-56», сегодня с «блатными» номерами не каждому захочется светиться. Машины — это, Миша, разговор для отдельной статьи.

— Какой будет ваша новая программа?

— Все-таки, если кто-то считает мой концерт скучным, я должен это иметь в виду, что-то предпринимать. Ведь и жизнь сейчас у нас грустная. Даже в Москве превратилась в какое-то государство ларьков. Я как-то поехал вечером на Калининский стричься, был вечер, я был один в машине, и вдруг мне стало жутко от этого царства убогих ларьков. А тут еще мы на сцене со своей тоской...

Фото Александра БЕЛЕНЬКОГО

М. Сидоренков